

Трагедия Украины. — Киев, — 1990. — 10 февр.

НАСЛЕДИЕ

«Я НЕ МЫСЛЮ СВОЕЙ СУДЬБЫ ОТДЕЛЬНО...»

К 100-летию со дня рождения Бориса Пастернака

9 декабря минувшего года сын поэта Бориса Пастернака получил в Стокгольме медаль лауреата Нобелевской премии, которой был удостоен в 1958 году его отец. Сам поэт получить почетную награду не смог. Ему поставили жесткое условие: либо высылка из СССР, либо отказ от премии. В письме Хрущеву поэт ответил: «Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. Я не мыслю своей

судьбы отдельно и вне ее... Выезд за пределы моей Родины для меня равносильен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры».

Выход на Западе романа «Доктор Живаго» и Нобелевская премия обернулись для поэта беспрецедентной травлей на родине. Он с достоинством переносил поношения. Он жил

поэзией, и поэзия помогала ему переносить непереносимое.

Перестройка реабилитировала Пастернака. Вышел наконец «Доктор Живаго». Готовится собрание сочинений поэта. Открывается музей, проходят выставки...

Год столетия Бориса Пастернака — не только литературный юбилей. Исчезла еще одна ложь, утвердилась еще одна правда.

Сын художника, Пастернак с детства поражал своими дарованиями. Прекрасно рисовал. Занимался под влиянием композитора Скрябина музыкальной композицией. Свое образование завершил в Московском и Марбургском университетах, где изучал философию.

А родился он для поэзии.

Весьма сдержанный на похвалы, Маяковский назвал его гениальным. Поэзия Пастернака очаровала Марину Цветаеву. Знаменитый австрийский поэт Райнер Мария Рильке говорил о Пастернаке с восторгом. Высоко оценил его поэму о революции Максим Горький.

В 20-х годах литератор и критик Виктор Шкловский составил своеобразный гороскоп Пастернака: «Счастливей человек. Он никогда не будет озлобленным. Жизнь

Маяковский назвал его гениальным

свою он должен прожить любимым, избалованным и великим». Сегодня эти слова могут вызвать грустную улыбку...

Написав «Доктора Живаго», Пастернак был счастлив. «Вы не можете себе представить, что при этом достигнуто! — из письма 1955 года. — Найдены и даны имена всему колдовству, которое мучило, вызывало недоумение и споры, ошеломляло и делало несча-

стными столько десятилетий. Все распутано, все названо, просто, прозрачно, печально. Еще раз, освеженно, по-новому, даны определения самому дорогому и важному, земле и небу, большому горячему чувству, духу творчества, жизни и смерти...».

«Я окончил роман, исполненный долг, завещанный от Бога», — писал он тогда же прозаику Варламу Шаламову, испытывавшему ад сталинских лагерей.

И сегодня спорят о художественных достоинствах романа. Одни восторгаются. Другие пожимают плечами (может быть, потому, что забывают: это проза Поэта; здесь интонация важнее внешнего смысла, а музыка сильнее обыденной логики, и нужно ощутить настроение, услышать мотив...).

И сегодня можно услышать о «недоступности» поэзии Пастернака. Что ж, песни рок-групп даются гораздо легче.

Каждый настоящий художник стремится к высокой простоте. Но простота — не прямолинейность. Она тоже требует для своего понимания подготовки и труда.

Сегодня Пастернака читают и понимают не только ценители его поэзии. Понимающих становится все больше.

Г. ПЕТРОСЯН

Леонид Вышеславский:

«Земля—его книга»

В только что вышедшей книге воспоминаний киевского писателя Л. Н. Вышеславского одна из глав посвящена Борису Пастернаку. В этой большой главе — пять главок. Судьба подарила Леониду Николаевичу пять встреч с выдающимся поэтом.

1930-И ГОД. Лето. Пастернак живет под Киевом, в Ирпене. Вместе с поэтом Николаем Ушаковым юный стихотворец отправляется в гости к знаменитому коллеге, обитающему на Белой даче. «Дача, которую мы искали, оказалась и впрямь белой — белая терраса, белые ступени... Хотя я никогда раньше не видел человека, вышедшего на белую террасу из боковой двери, я его мгновенно узнал. Съехавший набок галстук, губы, «не утертые рукою», и — глаза, сравнимые разве лишь с глазами ребенка, впервые смотрящего на мир как на чудотворение».

Они говорили тогда о Маяковском. Маяковский застрелился весной, и рана была свежей.

«Пастернак рассказывал о своих первых встречах с Маяковским почти теми же словами, что в писавшей тогда, в то ирпенское лето, «Охранной грамоте». Он вспоминал, как сам автор читал ему трагедию «Владимир Маяковский»: — Я слушал не помня себя, всем перехваченным сердцем, затаив дыхание. Ничего подобного я раньше никогда не слышал...».

1932-И ГОД. Сборник стихов «Второе рождение», над которым Пастернак работал в Ирпене, уже вышел, большой тираж разошелся мгновенно.

Над страной тогда гремел лозунг «Пятилетку — в четыре года!». Пытаясь осмыслить себя и свое время, поэт чистосердечно спрашивал:

И разве я не мерюсь с пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?

«Вот как раз в такую пору я и пришел к нему со своими поэтическими опытами,

— вспоминает Вышеславский. — Я тогда «пускаться на дебют» и видел свою задачу в том, чтобы писать как можно необычнее, позаковыристее, чтобы все было «не так, как у людей»... Борис Леонидович слушал меня терпеливо, не перебивая, потом встал и подошел к окну.

— Посмотрите на улицу, — сказал он после долгого молчания. — Видите, идут прохожие. Снажите, идет кто-либо боком или задом наперед? Нет, все идет прямо... Но присмотритесь: у каждого своя походка...

Больше он ничего не сказал, но все было ясно.

ЗИМА С 1942-ГО на 1943-й. Московские улицы еще щетинились противотанковыми «ежами». После ранения на Южном фронте Вышеславский прибыл в резерв ГлавПУРа. Единственным местом, где можно было немного отогреться и кое-как утихомирить голод, был Дом литераторов на улице Воровского, и там...

«Мы стояли с Борисом Леонидовичем в одной очереди за талончиками на обед. Я напомнил ему об Ирпене, о блаженном лете. Казалось, он обрадовался этим воспоминаниям...»

— Приходите завтра на мой вечер. Здесь. В этом зале. И вот на следующий день я занимаю место в углу, у рояля, под стрельчатыми окнами... Народу много. В рядах тесно. Некоторые из молодежи сидят на ступенях — многие даже стоят... Я стоял, боясь пошевелиться, пропустить хоть одно слово, вбирая в себя каждую минуту на всю жизнь».

Пастернак читал стихи из книги «На ранних поездках». Вечер закончился небольшим обсуждением прочитанных стихов. Пастернак сказал, что видит свою миссию в том, чтобы быть «там, на фронте», и сообщил, что в самое ближайшее время — «уже есть договоренность» — отправится на один из участков фронта.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА с поэтом состоялась вскоре после войны, в Тбилиси, зимой («шли холодные дожди, изредка налетал снежок»).

А пятая...

«ПОЛВЕКА СПУСТЯ». Так озаглавлена последняя глава воспоминаний Л. Н. Вышеславского о Пастернаке.

«На этот раз не дачный поселок под Киевом, а дачный поселок под Москвой — Переделкино, это пастернаковское Михайловское, пастернаковская Ясная Поляна.

На исходе короткого, но солнечного дня я иду поклониться могиле Пастернака. Солнце низкое садится, Вот оно в затон впилося И оттуда длинной спицей Протыкает даль насквозь. От этого солнца нельзя укрыться: оно находит меня за кустарником, обещанном льдинками, за стволом дерева. На могильном камне, стоящем торчком, — факсимиле поэта. Он как бы расписался почти у основания камня, над самой землей, будто земля — его книга».